

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Государственный музей А. М. Горького

Горьковская комиссия при администрации
Нижегородской области

ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1993 г.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«А. М. ГОРЬКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС
XX ВЕКА»

(К 125-летию со дня рождения
А. М. Горького)

НИЖНИЙ НОВГОРОД
Волго-Вятское книжное издательство
1994

ББК 83.3(2)7
Г71

Издание осуществлено
за счет средств спонсора —
Департамента культуры и искусства
Нижегородской областной администрации

Общественная редколлегия:
Г. С. Зайцева (отв. редактор), *Л. Ф. Гаранина*, *М. Я. Ермакова*,
И. К. Кузьмичев, *В. Н. Морохин* (отв. секретарь), *Т. А. Рыжова*

Г71 **Горьковские чтения 1993 г.: Материалы конференции «А. М. Горький и литературный процесс XX века». (К 125-летию со дня рождения А. М. Горького).** — Нижний Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1994. — 245 с.

ISBN 5-7420-0582-2

В сборнике опубликованы доклады и сообщения юбилейных горьковских чтений, состоявшихся на родине писателя в Нижнем Новгороде 26—27 марта 1993 года.

Г 4603000000—005
М(140)—94

ББК 83.3(2)7

ISBN 5-7420-0582-2

© Государственный музей А. М. Горького, 1994

тать его опыт необязательным для потомков (Б. Зайцев). Но их оспорила сама живая литература. В 60-80-е годы толпа антигероев выплеснулась на страницы книг Б. Пастернака, Л. Леонова, В. Быкова, Ч. Айтматова, В. Распутина, Н. Думбадзе, С. Есенина, А. Битова, Р. Киреева, В. Маканина, А. Кима, В. Пьецука. Типологическое родство их с персонажами поздней горьковской прозы неоспоримо. Опыт М. Горького оказался жизнеспособным, его предвидение подтвердилось, маргинальный человек стал эпохальным героем, героем нашего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чуковский К. Две души М. Горького. М., 1924.
- ² Тагер Е. Избранные работы о литературе. М., 1988. С. 19—61.
- ³ Вешнев В. Горькое лакомство. М., 1927.
- ⁴ Воронский А. О Горьком // Воронский А. Искусство видеть мир. М., 1987. С. 52—73.
- ⁵ Шкловский В. Удачи и поражения Максима Горького. Тифлис, 1926.
- ⁶ Борщаговский А. Письма М. Рютина о литературе // Литературная газета. 1990. 13 июня. С. 6.

Т. П. ЛЕДНЕВА
(г. Ижевск)

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «ЕМЕЛЬЯН ПИЛЯЙ»

В ранних произведениях М. Горького нашел яркое выражение процесс сближения двух художественных принципов отражения действительности. Мы уже анализировали первый напечатанный условно-романтический рассказ Горького «Макар Чудра» и пришли к выводу, что художественное мышление автора было синтетическим. Но писатель не просто суммировал романтический и реалистический художественные методы — романтическая тематика и соответственно романтический идеал стали материалом для реалистического осмысления. Об этом свидетельствовали принципы изображения «героя

и толпы», наличие двух героев, дифференцированное восприятие героев основными носителями речи — Макаром Чудрой и проходящим¹.

Появление реалистических произведений в 90-е годы Горький впоследствии объяснил сам: «Изнемогал от пестроты и тяжести впечатлений бытия».

Выбор рассказа «Емельян Пиляй» не случаен — это первый реалистический рассказ М. Горького. В основе его — факт русской жизни. Герой — определенный социальный тип — босяк, который обладает житейской практикой, знаниями. Давление среды накладывает отпечаток на весь облик Емельяна Пиляя.

Рассказ начинается с драматической сцены: голод и нужда гонят отчаявшегося найти работу босяка и его свутника на соль: «Солона эта проклятущая работа, а все ж таки надо взяться, потому что этак-то, не ровен час, и с голоду подохнешь» (1. 34). Пиляй трезво оценивает жизнь, понимая, что она ставит человека на край физической гибели, формирует характеры злобные, отчаянные. И это полное знание каторжной жизни вызывает в нем протест против насилия и унижения человеческой личности, с которой, по словам Пиляя, сдирают шкуру за шестьдесят копеек в сутки. Итак, социальная детерминированность героя проявляется в мышлении, речи, поведении, но принцип детерминированности в этом рассказе не главный. Несмотря на социальную обездоленность, злость, тоску, бездомность, приступы отчаяния, в этом босяке сохранено человеческое начало. Внутреннее «Я» Емельян Пиляй пытается защитить, доказать, отстаивать свою личность на протяжении всего рассказа. Поэтому рассказ М. Горького не близок к произведениям о босяках Ф. Решетникова, А. Левитова, Н. Помяловского и позднее появившимся очеркам и рассказам о босяках И. Ясинского «Типы Царского сада», С. Каронина «На границе человека», герои которых жертвы губительной среды, не способные на активное, самостоятельное действие, вызывающие лишь жалость. «Они ничем не волновались... Равнодушие и безжизненность отличали все их действия; застывшие их физиономии не отражали ни малейшей игры ума и чувства»², — пишет в своем рассказе о босяках С. Каронин. Горьковский герой другой. Он поднят над бытом и жалостью. Это человек с «беспокойством в сердце», достаточно хорошо ощущающий свою социальную, психологическую, нравственную неполноценность: «Какая моя жизнь? Собачья жизнь.

Нет ни конуры, ни куска, — хуже собачьей!» (1, 40). Пилай — «думающий человек», способный давать образные и меткие характеристики явлениям жизни, дерзко рассуждающий о «хозяевах» жизни, мужиках.

Герой на протяжении всего рассказа лелеет мысль убить «денежного человека» и открыть кабак, но история, рассказанная им о себе, не подтверждает его заявления о праве кулака и тем более, возможности реализовать мысль об убийстве. Обнаруживается сразу же, на поверхности лежащая тематическая связь с романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». И там, и тут речь идет о человеке, желающем реализовать и обосновать право на убийство. Но только в рассказе — это часть содержания, и «идея» полностью не поглощает Пилая, как «идея поглотила» Раскольников. Первый философски не обосновывает ее, как второй, так как Пилай не присуща в силу его социального положения житейлишь в сфере идей. Он герой неинтеллектуального склада, его мысль усвоена понаслышке и одновременно имеет естественно-природное происхождение. Однако Емельян и Раскольников одинаково приходят к выводу о невозможности убийства человека. И здесь, в рассказе, повторяется не только идея, но и структура романа Достоевского. Образы чабанов, Павла Петрова, девушки являются «комментарием» к образу главного героя, это как бы своеобразная система двойников, в которых Пилай «отсвечивает» своими различными качествами, так, например, поэтический склад души сближает его с девушкой. Таким образом, конфликт героя с миром обусловлен не только социальными причинами, но и духовными. Духовные требования Пилая поднимают его над социальной действительностью, он ее рассматривает как недостойную, как антиидеальную: «Какая моя жизнь?.. Человек я разве? Нет, брат, не человек, а хуже червя и зверя! Кто может меня понимать? Никто не может! А ежели я знаю, что люди могут хорошо жить, то — почему же мне не жить?» (1, 40). В Емельяне чрезвычайно развито чувство собственного достоинства, на это не раз указывается в тексте. Так, в сцене встречи с чабанами, к которым он обращается с просьбой как равный к равным: «Здорово, панове!.. А нет ли у вас табаку?» (1, 38). В позах, движениях, во взглядах, словах чабанов выражено презрение (лениво проговорил, взглянул на небо, хитро улыбнулся и т. д.). Пилай и его спутник для них «голытьба», у которой нет выбора, которая готова ра-

ботать за любой кусок хлеба. Чабаны им подали бы (а не дали, не поделились) и без их просьбы так, как подают нищим из жалости, сочувствия. Добро и зло в рассказе даны не в социальном преломлении, как у писателей-семидесятников XIX в., где эти нравственные категории всегда социально определены, а в общечеловеческом, родовом. Герой настолько унижен, голоден, оборван, что чабаны не видят в нем равного себе человека. И герой поставлен перед необходимостью защитить свое человеческое достоинство. Его больно ранит усмешка на их лицах, которую он неоднократно замечает.

Говоря о принципах изображения героя, следует обратить внимание на то, что характер мышления Емельяна Пиляя оказывается надклассовым. Долго вынашиваемое убийство богатого человека срывается потому, что, увидев «маленькую девчоночку» в ее страшном горе, у него «сердце скнуло», и «все пошло прахом». Герой находит в себе силу, чтобы понять и спасти человека. Его чувство к девушке лишено социального мотива, он спасает не купеческую дочку, а жизнь человека, и «тут как-то не до денег», — вспоминает Емельян Пиляй. Озлобленный до предела, он сохраняет в себе подлинную человечность, бескорыстие, пережив высокий духовный подъем.

Выше мы говорили, что герой Горького особенный. Конечно, при создании образа Емельяна Пиляя автор учитывал опыт литературы как романтической, так и реалистической. Герой трезво смотрит на жизнь. Бездомный, безработный, он не просто переживает свою ненужность в этом мире, а знает, что люди могут хорошо жить. Он постоянно размышляет над жизнью, предьявляет ей счет, высказывает различные суждения этического, политического, психологического характера, пытается проанализировать и объяснить социальное и естественное поведение человека. Сама возможность анализировать, извлекать выводы из житейского опыта свидетельствует об интеллектуальном уровне Емельяна Пиляя, не обеспеченном впрямую его социальным происхождением. (Сравнить, например, можно с образами Ф. Решетникова — Пилой и Сысойкой.)

Емельян близок к героям интеллектуального склада, которые были в литературе XIX века, но интеллект его складывается не на основе систематических знаний, а дан от природы и подкреплен тяжелым жизненным опытом. Н. К. Михайловский о таких героях, как Емельян

Пиляй сказал, что они «не столько отверженные, сколько отвергшие»³.

Анализ показал, что принципы изображения героя переплавляют опыт реалистической и романтической литературы. Особо следует выделить функцию рассказчика. Он — участник событий, который проверяет свои идеалы реальным состоянием жизни. О духовном облике рассказчика мы можем судить по его ответам на вопросы Пиляя, по тому, как он находит общий язык с чабанами и как он воспринимает историю Емельяна. Для понимания идеологической концепции рассказа и героев важен спор Пиляя и рассказчика о правах. Здесь сталкиваются две жизненные позиции. Рассказчик — человек, познавший книжную мудрость, для которого сфера интеллекта — тип жизненного проявления. Он чуток к социальной и нравственной неправде, твердо держится общечеловеческой нормы: «Никто не имеет права покупать свое счастье ценою жизни другого человека» (1, 38), — считает он. В этих словах рассказчика высказана одна из главных заповедей Господа Бога (Ветхий Завет), гласящая о том, что человек не имеет права мстить за себя и что право возмездия принадлежит правосудному Богу⁴. Пиляй же способен к анархическим проявлениям, к вседозволенности, к несоблюдению христианских заповедей. Свое поведение и взгляды он выносит не из книг, а из своего большого жизненного опыта. Но обе жизненные позиции оказываются недостаточно полными: ни знания, почерпнутые из книг, ни богатый жизненный опыт не объясняют всей сложности бытия.

Рассказчику принадлежит функция описания, он вводит портрет Пиляя, комментирует свои диалоги с ним, описывает происходящее, кроме истории, рассказанной героем о себе.

В структуре рассказа особо следует отметить роль пейзажа. Рассказчик к описанию его обращается неоднократно и последовательно. Портрет дается один раз, комментарий к диалогам только лишь по степени необходимости, а пейзаж описан многократно. Пейзажные картины романтизированы, изображенное дано на фоне свободной, мощной красоты моря и степи: «Вечерело. На краю моря поднялась гряда желто-лиловых облаков, окаймленных розовым золотом... А в степи... раскинулся громадный пурпуровый веер лучей заката и красил землю и небо так мягко и нежно». (1, 40). Возвышенный поэтический язык, живописное море, данное в

разных психологических состояниях, сразу настраивают на не традиционный и не бытовой поворот истории, а на драму бытия. Речь идет о поэтических вещах — о воплощении абсолютных личностных качеств, о достойном и недостойном существовании. Поэтому пейзаж не просто фон, а эмоциональный тон рассказа — лирический и романтический.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Подробнее об этом см.: Леднева Т. П. К решению проблемы «героя и толпы» в рассказе М. Горького «Макар Чудра»//М. Горький — художник и современность. Горьковские Чтения-88. Горький. 1988. С. 138—145.

²Каронин С. Соч. Т. 2. М., 1958.

³Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С. 647.

⁴Священная библейская история. Ветхий Завет.//Литературная учеба, 1992, № 1—3. С. 88.

В. А. ГУДОВ
(г. Екатеринбург)

«ТРОЕ» КАК ТИП МОНОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА XX ВЕКА

Роман М. Горького «Трое» содержит в себе противоречие между субъективным авторским замыслом и реальным читательским впечатлением, т. е. между установкой и результатом. Авторский замысел заявлен в названии — трое, три дороги. Яков Филимонов воплощает мысль о невозможности спасения от жизни в сфере религиозной духовности; Илья Лунев — мысль о бесплодности индивидуалистической морали; Павел Грачев символизирует истинный путь, связанный с социалистической идеей.

На деле же Яков вовсе не кажется жалким, а фигура Павла и кружок Софьи Медведевой не столько указывают новый путь, сколько настораживают читателя. Причина этого в том, что многое в тексте книги изображается сквозь сознание Ильи Лунева, сопровождаясь его собственными оценками и сомнениями. Решение этой загадки требует обращения к проблеме романного Слова.